

А.И.Сизоненко

Две знаковые годовщины

В статье рассматривается история признания в 1902 г. Россией Республики Куба и установление в 1942 г. дипломатических отношений между СССР и этим карибским государством, обстановка, в которой проходили соответствующие переговоры сторон, их подходы к нормализации отношений.

Ключевые слова: признание, Куба, Россия, СССР, Литвинов, Кончесо.

110 лет назад, 26 мая 1902 г., Томас Эстрада Пальма, провозглашенный президентом только что учрежденной Республики Куба, направил грамоту (послание) Николаю II, в которой от имени кубинского народа выразил «твердое намерение» правительства Кубы «сохранить самые тесные и сердечные отношения дружбы со всеми государствами и, в частности, с правительством и народом России»¹. Но это вовсе не значило, что Куба до тех пор являлась «terra incognita» для России. Наоборот, слово «Куба» стало одним из первых названий Нового Света, о котором слышали на Руси. Еще в первой четверти XVI в. Кубу в своих рукописях упоминал русский ученый, монах Максим Грек. Куба стала первым географическим понятием в русском языке, относившимся к Западному полушарию. Вместе с тем не без оснований можно предположить, что о Кубе в русском государстве знали и раньше от посещавших Россию иностранных купцов. О ней вполне могли сообщить по возвращении на родину русские дипломаты, бывавшие в Испании и Италии в XVI в.

Позднее, в 60-х годах XVII в., русский читатель смог более подробно узнать о Кубе из опубликованной на русском языке книги известного европейского географа Герарда Меркатора «Атлас или Космография». И, наконец, одним из первых наших соотечественников, оказавшихся в Латинской Америке, был человек, побывавший именно на Кубе, — Федор Каржавин: в 1782—1784 гг. в Гаване он работал врачом, преподавал иностранные языки.

Вскоре после Отечественной войны 1812 г. между Россией и Кубой началась торговля, в Гаване работал российский торговый агент. Куба закупала железные изделия, парусину, канаты, а продавала кофе и сахар.

Александр Иванович Сизоненко — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИЛА РАН (alsizonenko@yandex.ru).

В дальнейшем по мере развития освободительного движения на Кубе остров привлекал к себе в России все большее внимание. О ней не раз писали русские журналы, она неоднократно упоминалась в записках российских мореплавателей. В конце 80-х — начале 90-х годов в Гаване два матча за звание чемпиона мира сыграл наш известный шахматист Михаил Иванович Чигорин.

Внимание к Кубе в России особенно усилилось во время восстания кубинского народа против испанского господства, начавшегося в 1895 г. О событиях на острове много писала русская печать, в том числе один из наиболее распространенных журналов «Вестник Европы». Именно из его материалов русский читатель слышал о Хосе Марти и других руководителях восстания. О происходившем на Кубе, а также об испанско-американской войне достаточное представление имели и в российском правительстве из донесений группы офицеров Генерального штаба России, прикомандированных в качестве наблюдателей к испанским и американским войскам, а также лейтенанта Д.А.Похвиснева, направленного морским ведомством на Кубу в качестве наблюдателя. Известно, что в этой освободительной борьбе кубинцев приняли участие и добровольцы из России.

Если говорить о культурных связях, то помимо визита Чигорина заметным событием стало посещение Кубы в начале XX в. знаменитым художником Василием Васильевичем Верещагиным. Таким образом, можно утверждать, что в политическом и общественном мире нашей страны существовало определенное представление о Кубе.

26 мая 1902 г., спустя шесть дней после провозглашения Республики Куба, ее первый президент, ветеран освободительной борьбы кубинского народа Эстрада Пальма направил российскому императору упомянутое выше послание. Оно не просто выражало те чувства, которые в нем высказывались, но и содержало приглашение к формализации межгосударственных отношений. Соблюдение всех должных для этого процедур заняло более месяца, выявив целый ряд интересных нюансов. На первом этапе дело не обошлось без известного посредничества США. В том же мае 1902 г. Дж.У.Риддл, поверенный в делах США в Петербурге, по поручению своего правительства направил министру иностранных дел России Владимиру Николаевичу Ламздорфу ноту. В документе содержался вопрос, не разрешит ли правительство России консульским сотрудникам США «использовать их добрые услуги по представительству интересов Кубы и ее граждан до того времени, пока не будут назначены кубинские консулы»². Риддл сообщал, что пишет об этом по просьбе главы кубинского государства. Невольно возникает вопрос, являлось ли это предложение доброй услугой или американская сторона, войска которой еще оставались на Кубе, хотела в какой-то мере сохранить свое влияние и в этой сфере или оказывать влияние на Кубу и Россию.

Не желая усложнять этот вопрос, тем более, что обращение американского посольства следовало из просьбы Эстрады Пальмы, МИД России 28 мая 1902 г. в ноте посольству США заявил, что «не находит никаких препятствий к тому, чтобы консульство США в России представляло по просьбе президента Кубинской Республики интересы Республики Кубы и ее граждан».

В то же время императорское правительство следило и за развитием кубинско-американских отношений, что позволяло ему лучше ориентироваться в тогдашней обстановке. Так, в июне 1902 г. посол России в США Артур Павлович Кассини в донесении Ламздорфу сообщал о вручении кубинским посланником в Вашингтоне верительных грамот и о назначении посланника США в Гаване.

6 июля 1902 г. Ламздорф направляет Николаю II доклад по кубинскому вопросу. Прежде всего он напомнил о послании Эстрады Пальмы. Характеризуя кубинско-американские отношения, он совершенно справедливо расценил их как установление протектората США над островом³.

Далее министр сообщал, что правительства Англии и Германии в ближайшее время уже собираются назначить своих посланников на Кубу, намекнув, тем самым, что нормализацию отношений с Кубой не стоит затягивать. Одновременно Ламздорф направил императору проект соответствующего ответного послания.

Демарш министра иностранных дел возымел действие: в тот же день Николай II направил послание президенту Кубы, в котором, отмечая желание президента наладить отношения с Россией, констатировал: «Мы с удовольствием изъявляем Вам полную готовность всегда содействовать всему, что может установить и упрочить приязнь между Россией и Кубой»⁴. Нельзя не отметить весьма дружественный и уважительный тон этого послания. Император называет Эстраду Пальму своим «великим и добрым приятелем». Пусть это в известной мере была и протокольная манера обращения, но при этом подчеркнем, что политика России в отношении Кубы с самого начала коренным образом отличалась от фактически оккупационного курса, проводимого США. Ответ Николая II означал, что Россия признала только что образовавшуюся Республику Кубу.

Обмен этими посланиями не привел к немедленному установлению дипломатических отношений, однако последующий ход событий показал, что процесс нормализации связей набирает ход. В том же 1902 г. Россия назначила своего консула в Гаване. Осенью 1913 г. аналогичный шаг сделала кубинская сторона: в Петербурге открылось консульство Кубы. Консулом был назначен Паскуаль Гойкочеа-и-Диас, а секретарем стал будущий чемпион мира по шахматам Хосе Рауль Капабланка, находившийся на постоянной дипломатической службе. Выполняя свои функции, он побывал в Москве, Серпухове, Твери, в Латвии и Эстонии, входивших тогда в состав России. В 1914 г. Капабланка занял второе место в международном турнире в Петербурге, что открыло ему дорогу к матчу в Гаване в 1921 г. за звание чемпиона мира.

В 1915 г. на сценах Кубы с триумфальным успехом выступила прославленная русская балерина Анна Павлова. Желая лучше знать об обстановке на Кубе, Морской генштаб России в феврале 1907 г. послал на Кубу морского агента (атташе) Аркадия Константиновича Небольсина. В его задачи входило ознакомиться с Кубой, с «ее, — как он писал, — невыясненной политической жизнью», а также с островом в целом. Как человек военный, Небольсин хотел побывать и в Гуантанамо, где уже создавалась американская военная база. Но сделать этого он не смог «ввиду того, что американское морское ведомство его (Гуантанамо. — А.С.) держит в полном секрете»⁵.

Признание Россией молодого государства, те быстрые сроки, в которые оно произошло, уважительное отношение к Кубе и полное равноправие, на основе которых велись переговоры, — все это открывало хорошие перспективы двусторонних связей.

Но после 1902 г. прошло еще 40 лет, пока отношения Кубы и на этот раз уже СССР были нормализованы в формате дипломатических. Инициатором этого стала Гавана, что явилось результатом мощной кампании солидарности с борьбой Советского Союза против гитлеровской агрессии, движение, в котором участвовали как политические партии, так и рабочие, профсоюзные, крестьянские организации, широкие круги кубинской интеллигенции. Тут хотелось бы обратить особое внимание на целый ряд политических и дипломатических моментов, которые до сих пор оставались несколько в «тени» исследований истории советско-кубинских связей.

Прежде всего отметим, что «дверь» к нормализации официальных отношений СССР и Кубы была открыта не «вдруг», этому предшествовали предварительные контакты обеих сторон по дипломатическим каналам. Первым шагом на этом пути стала (5 октября 1942 г.) нота государственного министра Кубы (министра иностранных дел) Хосе Агустино Мартинеса Вячеславу Михайловичу Молотову, тогда наркому иностранных дел. В ней было предложено «оформить» дипломатические и консульские отношения в «их полном объеме»⁶. Ответ не замедлил последовать: 14 октября посол СССР в США Максим Максимович Литвинов в ноте посланнику Кубы в Вашингтоне Аурелио Фернандесу Кончесо по поручению В.М.Молотова сообщил, что советское правительство разделяет желание правительства Кубы и оно «особенно счастливо совершить это в тот момент, когда народы СССР и Республики Куба объединены в борьбе против общих врагов»⁷. В ноте говорилось, что Москва будет считать, что указанные отношения установлены «с сего числа», т.е. 14 октября. Видимо, этот день и следует считать датой установления дипотношений, хотя официальное сообщение последовало 17 октября 1942 г.

Подчеркнем, что кубинское правительство стало первым в Латинской Америке, которое в военные годы установило с СССР дипломатические отношения. Но особо примечательно, что Куба пошла на этот шаг в самый напряженный период Великой Отечественной войны — во время Сталинградской битвы, когда еще не были ясны ни ее итог, ни исход самой войны в целом.

В этих первых двух нотах имя тогдашнего президента Кубы Фульхенсио Батисты не упоминается, хотя, несомненно, он санкционировал решение своего правительства. Повторим, что это было во многом следствием требований и солидарности кубинского народа с Советским Союзом. Несомненно, важную роль в решении кубинского правительства сыграла и позиция коммунистов, входивших тогда в его состав.

Спустя еще несколько дней, 26 октября, Кончесо посетил Литвинова. Речь в первую очередь шла о согласовании вопроса вручения Литвиновым верительных грамот. В связи с установлением отношений советский посол получил приветственные послания от многих представителей кубинской общественности и был приглашен участвовать в Гаване в мероприятиях Антифашистского фронта Кубы. Кончесо счел нужным детально проин-

формировать Литвинова о политической обстановке на Кубе. Об этой встрече Кончесо подробно проинформировал свое руководство.

Дальнейший ход событий не заставил себя долго ждать. 23 ноября 1942 г. Литвинов, прибыв в Гавану, вручил Батисте верительные грамоты в качестве посланника СССР на Кубе (с сохранением своего поста в Вашингтоне). А 1 декабря того же года Кончесо был утвержден в должности (также с сохранением его поста в США) посланником Кубы в Москве. Обращает на себя внимание тот факт, что обе стороны назначили своих представителей, занимавших самые высокие дипломатические посты в США. Из-за трудностей военного времени Кончесо смог добраться в Москву окрестным путем через Африку только в мае 1945 г., где и вручил свои верительные грамоты.

В Москве Кончесо был принят с должным уважением и вниманием. 13 мая он нанес протокольный визит заместителю народного комиссара иностранных дел Соломону Абрамовичу Лозовскому, а затем у него состоялась встреча с Александром Евдокимовичем Корнейчуком — тогда одним из замов Молотова. 24 мая, вскоре после своего прибытия в Москву, Кончесо направил письмо И.В.Сталину, в котором прежде всего сообщал, что Батиста оказал ему, Кончесо, «особую честь» передать его личное послание главе советского государства.

Далее посланник передает целый ряд небезынтересных суждений Батисты. Кубинский президент прежде всего выразил симпатии народу Советского Союза, расценил нападение Германии на СССР как варварское с нарушением всех имевшихся договоров, отметил мобилизацию Советским Союзом всех его сил, чтобы спасти свою независимость и «свободу мира». «В этой борьбе, — отмечал Батиста, — ваш народ в Ленинграде так же как в эпическом Сталинградском сражении, ваши армии проявили героизм и несравненный дух самопожертвования, которые должны будут оставаться примером в истории человечества. Народ Кубы... сумел оценить ваши титанические усилия и с установлением дипломатических отношений между нашими двумя странами хочет воздать должное и честь вашему патриотизму, армии и народу Советского Союза»⁸.

Трудно сказать, были ли действительно искренними эти слова Батисты, но, несомненно, в них отражались настроения самых широких слоев кубинского народа, которые президент не мог не учитывать.

Но, конечно, самой знаменательной встречей для кубинского посла стал его прием в Кремле Сталиным 28 мая 1943 г. «Встреча, — сообщал Кончесо в Гавану, — длилась 40 минут, была чрезвычайно сердечной и должна рассматриваться как особая честь и уважение, оказанные Кубе»⁹. На наш взгляд, глава советского правительства, несмотря на громадную занятость военными делами, выделил время для приема Кончесо в знак определенной признательности Кубе, которая первой в регионе предложила нормализацию отношений с СССР в то крайне трудное для нашей страны время. Кубинец расценил этот прием как особый почет, оказанный его государству советским вождем.

На встрече со Сталиным Кончесо вручил ему личное приветственное послание президента Кубы. Во время беседы вопросы задавал в основном хозяин Кремля. Его, в частности, интересовали степень независимости Кубы, находятся ли там американские войска, национальный состав насе-

ния, экспорт Кубы. В связи с последним вопросом посол выразил мнение, что после нормализации международного транспортного сообщения (т.е. после окончания войны) Куба могла бы приступить к установлению торговых связей с СССР¹⁰.

Незадолго до отъезда Кончесо из Москвы ему было передано письмо Молотова. В нем глава НКВД сообщал, что по поручению Сталина он передает благодарность президенту Кубы за высказанные им дружественные чувства в адрес правительства, армии и народа СССР. Далее Молотов сообщал, что Сталин разделяет мнение о том, что дипломатические отношения между СССР и Кубой послужат еще большему сближению и дружбе между двумя народами. В начале июня 1943 г. Кончесо вернулся в США, оставив в Москве временного поверенного в делах Рауля Эрреру Аранго.

Судя по содержанию посланий Кончесо, его миссия в Москву, хотя и носила кратковременный характер, позволила ему увидеть и в должной мере оценить великий подвиг советского народа. Когда в сентябре 1944 г. в связи с приходом к власти на Кубе нового президента кубинский посол подал в отставку, в своем заявлении он не только выразил удовлетворение установлением дипломатических отношений с СССР, но и подчеркнул, что «Красная армия спасла западные демократии в исторический момент, когда они могли погибнуть»¹¹. Сейчас, когда определенные круги на Западе пытаются умалить или исказить историческую роль СССР в разгроме фашизма, эти слова звучат особенно актуально.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дипломатический вестник, 1989, № 5, с. 57.

² Россия — Куба. 1902—2002. Документы и материалы. М., 2004, с. 14.

³ Там же, с. 16.

⁴ Там же, с. 18.

⁵ Там же, с. 21.

⁶ Там же, с. 37.

⁷ Там же, с. 38.

⁸ Там же, с. 49.

⁹ Там же, с. 53.

¹⁰ Подробно о встрече со Сталиным и сообщении о ней Кончесо см.: «Россия — Куба. 1902—2002 гг.», с. 51—53.

¹¹ Там же, с. 62.